

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ – НАУКА КОРОЛЕЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

д-р экон. наук П.С. Лемещенко

Белорусский государственный университет, Минск

Такое название, по сути, было заложено основателем этой академической дисциплины А. Монкретьеном, написавшим «Трактат по политэкономии», 400-летие которого человечество отмечало в прошлом 2015 году. Если обратиться к истории социально-экономического развития, то можно заметить, что старт современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами заложила именно политэкономия. И тем более странно, что это, пожалуй, единственная наука, которая оказалась сегодня за «бортом» своего освоения и развития на новой, современной основе и даже исключена из научных классификаторов, учебных планов, программ вузов.

Выяснение направлений социально-экономического *развития*, поиск причин бедности и путей успеха, благополучия стран являются стержневыми проблемами всей истории эволюции экономической науки. По сути, классическая политэкономия явила собой первой, относительно сформировавшейся наукой не просто об экономическом росте, а о *хозяйственном развитии*. Это была упорная, долгая, противоречивая и трагическая работа умов всесторонне образованных людей за поиск стратегии и форм эволюции человеческого сообщества. В настоящее время эту же проблему, но уже в современных условиях попытались решить через категорию «инновации». Правда, успехи здесь не только постсоциалистических, но и всех остальных стран более чем скромные, о чем свидетельствуют *результаты мирового общего кризиса (!) 2008 г.*, ориентирующие, в том числе и на необходимость кардинальных изменений и в области экономической науки¹. Действительно, экономическая наука² начала активно использовать этот термин в своем аналитическом обороте где-то в 80-е годы. Во-первых, остро обнаружилась в очередной раз проблема поиска новых источников эко-

¹ Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011; Стиглиц Дж. Цена неравенства. М., 2015; Кругман П. Возвращение великой депрессии. М., 2009.

² В данном контексте под экономической наукой понимается лишь направление и сложившаяся исследовательская программа «экономикс» неоклассики. Об отличиях политэкономии, экономикс, других школ и направлений теории, а также закономерностях эволюции экономической науки в широком смысле слова, методологии и аналитического аппарата см.: Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции // Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Минск: БГУ, 2001. – 299 с.; Очерки политической экономии / Под общ. ред. П.С. Лемещенко. Минск: БГУ, 1999; Лемещенко П.С. Неополитэкономия как теоретический императив постиндустриального развития // Философия хозяйства. М.: МГУ, 2000, № 2, с. 68-89; Экономика. Университетский курс: Учебное пособие / Под ред. П.С. Лемещенко, С.В. Лукина. Мн.: Книжный Дом, 2007, введение, главы 1, 19.

номического роста, чем ограничивалась в силу известных идеологических мотивов более фундаментальная проблема выбора *стратегии социально-экономического развития*. Во-вторых, сказались не только « пороки рынка », но и « пороки государства » и поэтому встал вопрос как, в каких конкретных социально- и политико-экономических *формах* совместить рыночный утилитаризм с цивилизационными ценностями западного общества³. Иначе говоря, проявился в очередной раз « порок мышления ». В-третьих, следовало разрешить известное противоречие крупного капитала, имеющего тенденцию к монополизации, к *корпоративному обобществлению*, и малого бизнеса, « подогревая » тем самым через естественно затухающую конкуренцию. В-четвертых, неоклассическая теория через понятие « инновации » делает попытку восстановить в « экономике » ее технико-технологическую основу, которая в классической политэкономии была представлена через « производительные силы » и соответствующие их элементы, взаимосвязь. Наконец, в-пятых, уже остро почувствовалась необходимость *целостного, всестороннего, развивающегося и полного* научного отражения противоречивой реальности, в котором бы нашлось место и внеэкономическим условиям и факторам хозяйствования. А усиливавшаяся научная специализация и приверженность идеологическим канонам не позволяли это делать, порождая « дефект знания », т.е. фрагментарность, расчлененность знания. Таким образом, существенные изменения, происходившие в реальных хозяйственных процессах, а также осмысление гносеологических противоречий, серьезные теоретические наработки в других отраслях знания и междисциплинарные исследования подвели к необходимости формирования или новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением⁴, или же обращению к эвристическим традициям политической экономии, наполняя ее новым содержанием. Сегодня на эту тему дискуссии идут крайне активно.

³ В неявном виде органически целостное сочетание собственно экономики, политики, этики, философии, организации, права было представлено еще в работах Смита (мы не будем пока касаться научных основ Аристотеля и Платона), семь лет преподававшего « Теорию нравственных чувств »; Рикардо, занимавшегося политикой, историей, бизнесом; Маркса, юриста по образованию и политэконома, философа по духу; В.Ойкен – деятель Фрайбургской школы; Дж.Кейнс – участник Блумбергской группы, активный политик.

⁴ В 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, где явно просматривается идея формирования новой парадигмы с иным предметом и методологией. См.: Алле М. Экономика как наука / Пер. с фр. М.: Наука для общества, 1995. – 166 с.; Ананьин О. Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. – 1999, № 10, с. 135–152; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003. – 656 с.; Бузгалин А. В. Колганов А. И. Глобальный капитал. – М., 2004. – 512 с.; Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест, 2003, вып. 3, № 3, с. 336–422; Лемещенко П.С. Теоретическая экономика как научная основа мир-системы 21 века // Философия хозяйства. М.: МГУ, 2006, № 4, с. 101–120. Центр общественных наук при МГУ им. М. В. Ломоносова (рук. Ю. М. Осипов) организовал целую серию книг, посвященных теоретическим проблемам эволюции экономической науки в условиях современной трансформации: « Экономическая теория на пороге XXI века », переименованная в новом текущем столетии как « Экономическая теория в XXI веке ».

То, что сегодня существует – это не что иное, как материализованное знание и экономическое сознание. У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век, пишет: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить *не в теоретических новациях*, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [2, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции» [3, с. 391]. Одна из фундаментальных причин такого положения заключается в том, что теория рыночной экономики (неоклассика) есть не что иное, как учение об *обмене*, каталлактика по определению Л. Мизеса [4]. Производство же, как категория политической экономии, отражает широкий спектр фундаментальных оснований хозяйственной системы, включая динамические технико-экономические и политико-социальные изменения не только общего уровня, но и на стадиях производства, распределения, обмена и потребления.

Оставляя за пределами внимания вопросы экономики, к которым обращалось и обращается неоклассическая теория и которые известны более из учебников и учебных пособий, выполненных в англо-американских методологических традициях, обратимся к вопросу, а каково же сегодня состояние политэкономии. В «Кембриджской энциклопедии» указывается, что «политическая экономия» – это название, которое было дано экономике в конце XVIII в. – начале XIX в. В нынешнем столетии это понятие не получило широкого распространения ... поскольку спектр проблем, изучаемых экономикой сегодня, гораздо шире, он включает в себя значительно больше вопросов, чем состояние национальных экономических систем и роль правительства в экономической жизни» [5, р. 958]. В «Новом кратком оксфордском словаре английского языка» политическая экономия определяется как «одно из направлений экономики, предметом изучения, которого являются экономические проблемы правительства» [6, р. 782].

Однако анализ проблем, методологических подходов и других свойств современной экономической науки позволяет выделить несколько направлений именно политической экономии, которые позволяют заключить, что данная дисциплина скорее живое ищущее творчество, чем мертвая история. Прежде всего, хорошим примером является возрождение в 60-е годы политэкономии в классических традициях. Распределение доходов, проблема власти, монополистического и транс-

национального капитала – центральные проблемы этого направления политэкономии [7, p. 17, 266-273].

Многие направления исследований, которые сегодня рассматриваются как междисциплинарные, Смит, Милль или Маркс отнесли бы исключительно к области политической экономии. Дж. Альт и А. Алесина рассматривают политическую экономию как область знания, выходящие за пределы экономики. Они характеризуют современную политическую экономию как отрасль социальных наук, стремящуюся к более широкому осмыслению экономических проблем, чем это делается в рамках основных направлений. Эта дисциплина рассматривает институты скорее как эндогенные феномены, применяя междисциплинарные методы исследования, теорию игр, сближая макроэкономику с политикой, правом, историей, социологией, экологией, этикой. Размер дохода и богатства в данном контексте рассматривается как функция от формируемых институтов: это $y = f(I_1, I_2, \dots, I_n)$, где I_1, \dots, I_n – это институциональные изменения. Если еще два десятка лет некоторые проблемы получали лишь свою формулировку, то сегодня ряд из них уже получил свое некоторое теоретическое и практическое разрешение. Например, это относится к исследованиям межпартийной борьбы Э. Даунса и теории У. Райкера о формировании правительственных коалиций, описывающих роль распределительной политики при формировании правительств.

К числу крупнейших достижений политэкономии XX в. относятся теорема невозможности К. Эрроу и доказательство произвольности совокупных правил социального выбора, которые плохо согласуются с либерально-демократическими мифами о «воле народа». Среди важнейших достижений следует отметить модель бюрократии, монопольно регулирующей информационные услуги (У. Нисканен), (Г. Миллер, Т. Мо), теорию политических циклов деловой активности (У. Нордхаус, Д. Гиббс), влияющей на экономические результаты [8, с. 19-23].

Особое значение и серьезную прикладную проработку занимает проблема формирования и распределения бюджета, имеющая свои частные ответвления: теория сглаживания налогов, концепция перераспределения государственного долга между поколениями, модель политического конфликта и исследования по институциональному отбору, зависящему от использования бюджетных средств, которыми распоряжается избранное демократическим путем правительство или законодатели.

Буквально во все разделы экономической науки проникла идея Р. Коуза о трансакционных издержках. Сама постановка вопроса об их положительной величине в условиях разделения труда и обмена, а также гипотеза о необходимости спецификации прав собственности в условиях рынка,

на наш взгляд, является типично политико–экономическим достижением на новом уровне теоретического осмысления рыночного хозяйства.

«Политическая экономия голода» А. Сена и Й. Дрейзе не только опровергает Парето-оптимальность, но и институциональными отличиями (средой, политикой, законами распределения) объясняет причину 20 % мировой бедности и нищеты.

Позитивный анализ современного мирового хозяйства свидетельствует, прежде всего, о том, что, *во-первых*, динамика *развития* крайне неустойчива и имеет нестабильные темпы экономического роста *без тенденции к развитию*. *Во-вторых*, резкие колебания конъюнктуры наблюдаются и в системе мирохозяйственных связей, отношений. Торговля имеет тенденцию к сокращению в общей структуре трансакционных сделок (около 2%), что подрывает мотивы инновационного развития производительного капитала как ее основы. Мировая финансовая система превратилась, по существу, в глобальный самостоятельный спекулятивный конгломерат – квази-экономику, функционирующий не в интересах развития национальных экономик и жизни людей планеты. *В-третьих*, мировая экономика как целое (*мир-экономика*) опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов не только бедных, но и богатых стран. Парадоксально то, что сама *кризисность* мира обеспечивает пока еще внушительную *глобальную ренту финансовому капиталу*, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. Ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, очередного всеобщего кризиса. *В-четвертых*, колебания валютных курсов объясняются в первую очередь внедрением в хозяйственную деятельность спекулятивного мотива своеобразного «казино–экономики». Колебания цен на нефть как стратегический товар подтверждают высказанный тезис, ибо это колебания никак не связаны ни с затратами, ни новыми технологиями, ни даже новыми рынками, динамикой мирового ВВП. Политика международных институтов направлена на сознательное снижение твердости национальных валют, консервируя тем конкурентоспособность стран. *В-пятых*, на сегодняшний день в мире происходит очевидный технологический, демографический, экономический и социальный перекос. Инновации и, естественно, капиталовложения больше всего проникли в финансовую сферу, обеспечивая рентные доходы, дестабилизируя рыночную стратегию развития, «сбив» ее генетический код.

В-шестых, в конце 20 века возникло еще одно *неравенство* еще более глубокое, чем неравенство по уровню бедности и потребления, которое также углубилось. Рынок, как оказывается, за сотни лет не решил проблему даже относительного материального благосостояния, потому что го-

лодных стало еще больше. Но суть возникшего нового неравенства состоит в том, что глобальная сеть, созданная информационно–компьютерными технологиями, зафиксировала и неравенство стран и людей в *доступе к информационному ресурсу*. Возникла серьезная социально-нравственная проблема *информационной дискриминации*, которая в свою очередь *разлагает общественный капитал и тем самым нарушает хрупкое институциональное равновесие*. Эксплуатация приобрела более изощренные формы, усиливая неравенство населения, беднейшая часть которого уже составляет около 40 %.

В-седьмых, современная мир-экономика со своими характеристиками уже давно не вписывается в предмет мировой экономики. Мировое хозяйство функционирующей модели при тенденции к глобализации обнаружило свой *предел к потенциальному развитию*. Это проявляется в разделении мировой экономики на части, которые иногда называют великими мировыми разломами. По сути, это новый передел мира. *Противоречие между трудом и капиталом переходит в плоскость более глубокого противоречия между логикой развития капиталов и культурными ценностями человеческого бытия, логикой спекулятивной экономики и избранными в эпоху классицизма ценностями демократическими*. Объектом жесткой конкуренции и эксплуатации является *распределение функций и ролей государств по участию в мировом управлении*.

Оценивая под углом зрения *мировых тенденций уровень достижений экономической науки в традициях «мэйнстрима»*, следует отметить, что ее *предмет* не получил четкого статусного *определения*. Инвентаризация идей экономической теории показывает ее заикленность на системных свойствах абстрактного *рынка* и может предложить лишь узкую, статичную, фрагментарную и самый общий набор принципов функционирования этой модели экономического устройства без философского, исторического, политического и социального контекста. *Наука об экономике*, традиционно базировавшаяся на соответствующих стоимостных категориях, дополненных ценностными характеристиками утратила во многом свою историко-логическую эвристичность, самостоятельность, цельность и практичность. Проявлением цивилизационного кризиса выступило возникновение *параэкономики и гетероэкономики* как своей противоположности, переходящую в теневую, а потом и в *антиэкономику*. Начали возникать в связи с этим и *лжетеории*, «объясняющие» эти новые явления в заданном русле.

Таким образом, выходящие сегодня на поверхность современные практические хозяйственные проблемы и сложившийся уровень теоретических наработок позволяют на текущий момент заметить эволюцию на новом витке политэкономии, центральным предметом которой выступают

проблемы институциональной архитектоники и институциональных изменений. Важные *изменения* в теорию вносятся *влиянием «новой экономики», «экономики знаний»*. Формирование новой экономики соответственно связано с циклами технологических укладов, структурой производственных отношений хозяйственных связей и форм. Свойственные для новой экономики проявления стали *доминирующими* как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях, отношениях, связях. Поэтому политэкономия на этом уровне должна строиться на несколько иных методологических подходах. *Первый* – признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся, в том числе и конкурентную среду. *Второй* аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, – это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. *Третий* – влияние возникшей новой нормы, регламентирующей не только поведение хозяйствующих субъектов, но и придающей *целостность* современной экономической системе – *институциональной ценности*. Последняя есть не что иное, как в высшей степени субъективированная категория, приходящая на смену стоимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бьюкенен Дж. Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды. М., 1997.
2. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики, 2001, № 2.
3. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест, 2003, вып. 3, № 3.
4. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.
5. Crystal D. Cambridge Encyclopedia. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
6. Brown L. New shorter Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1993.
7. Arndt W. Political economy // Economic Record. 1984. Vol. 60.
8. Экономика. Университетский курс: Учебное пособие / под ред. П.С. Лемешенко, С.В. Лукина. Мн., 2006.
9. Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
10. Стиглиц Дж. Цена неравенства. М., 2015.
11. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.